Дударева Альбина Евгеньевна
директор
Институт наследия и современного общества
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва

СЕМЕЙНЫЙ УРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СИСТЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРИЧИНЫ ВЫПАДЕНИЯ ИЗ УЧЁТА И УСЛОВИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Аннотация: *семейные архивы, реликвии и устные свидетельства рассматриваются в статье как самостоятельный уровень исторической памяти, которому в действующей системе сохранения культурного наследия не находится места. На основе различения коммуникативной и культурной памяти показано, что объекты семейного уровня утрачиваются в течение трёх-четырёх поколений, если не переходят в институциональное хранение. Анализ федерального законодательства и государственных информационных систем выявил, что семья не признана держателем наследия и её объекты попадают в учёт лишь при передаче учреждению. По данным всероссийских опросов и общественных проектов установлены широкий интерес к семейной истории и готовность семей передавать копии материалов. Обоснованы три условия включения семейного уровня в систему сохранения: указание уровня памяти в описании объекта, признание семьи держателем с сохранением подлинника и оценка результата по удовлетворению запросов.*

Ключевые слова: *историческая память, коммуникативная память, культурное наследие, семейный архив, семейная история, уровни памяти, сохранение наследия, держатель наследия, цифровая копия.*

Историческая память изучается преимущественно в масштабе народа, региона или поколения, тогда как значительная её часть хранится в семьях: в письмах, фотографиях, дневниках, наградах и устных рассказах, не дошедших ни до од-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ного музея или архива. Этот слой памяти наиболее уязвим. У него нет институционального держателя, он не состоит на учёте и исчезает незаметно, вместе с последним человеком, который помнил, кто изображён на фотографии. Между тем музейные, библиотечные и архивные фонды в России описаны, учтены и постепенно переводятся в цифровую форму. Цель статьи состоит в том, чтобы объяснить, почему при развитой системе учёта семейный уровень памяти остаётся вне её, и определить условия, при которых его можно включить в систему сохранения, не превращая семью в архивное учреждение. Источниками послужили работы по теории исторической памяти, федеральные законы и документы стратегического планирования, данные всероссийских опросов и общественных проектов.

Уровни исторической памяти и положение семейного уровня.

Понимание памяти как достояния общности, а не отдельного сознания восходит к М. Хальбваксу, показавшему, что индивидуальные воспоминания удерживаются социальными рамками группы и вне этих рамок распадаются [14]. Я. Ассман развёл два режима существования памяти: коммуникативную, которая живёт в повседневном общении, опирается на воспоминания свидетелей и охватывает три-четыре поколения, и культурную, закреплённую в текстах, обрядах, памятниках и институтах и потому способную пережить своих носителей [2]. П. Нора связал появление мест памяти с ослаблением живой традиции: там, где память перестаёт передаваться сама собой, общество удерживает её усилием институтов [6]. Л.П. Репина подчеркнула, что историческая память не просто сохраняет прошлое, но пересобирается в зависимости от запросов настоящего [12].

Из этих положений следует вывод, который в практике сохранения наследия почти не используется: память различается не только по содержанию, но и по общности, которая её несёт, и общность задаёт режим существования памяти. Соответственно выделяются четыре уровня исторической памяти: семейный, местный (поселение, приход, предприятие, община), региональный и общенациональный. Уровень объекта определяется по его происхождению, то есть по общ-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ности, в которой он возник и выполнял своё назначение, а не по нынешнему месту хранения. Семейный альбом, переданный в музей, остаётся объектом семейной памяти, подобно тому, как в архивоведении принадлежность документа к фонду определяется его создателем, а не последующими перемещениями.

Семейный уровень в этом ряду стоит особняком. Он целиком принадлежит коммуникативной памяти: держателем, носителем и, как правило, собственником объекта выступает одна и та же семья, письменная фиксация отсутствует, передача происходит устно и через предметы. На общенациональном уровне утрата подлинника восполняется копиями, публикациями и институтами; на семейном уровне утрата альбома или уход последнего рассказчика означает окончательную утрату.

Причины выпадения семейного уровня из учёта.

Система сохранения наследия построена по видам фондов и видам держателей, то есть организаций и лиц, у которых объекты находятся на хранении. Музейный фонд, Архивный фонд, библиотечные фонды и реестр объектов культурного наследия охватывают то, что находится у учреждений, и учитывают это по правилам, разработанным для учреждений. Семье в этих правилах отведена роль источника поступлений. Архивные документы, находящиеся в частной собственности, включаются в состав Архивного фонда по результатам экспертизы ценности и на основании договора между собственником и архивом, музеем, библиотекой или научной организацией [9, ст. 6 и 9]; музейные предметы, принадлежащие гражданам, включаются в состав Музейного фонда по заявлению собственника и считаются включёнными со дня регистрации в Государственном каталоге [7, ст. 8]. В обоих случаях объект становится видимым для государства в момент, когда перестаёт быть семейным; до этого момента он не отражён ни в одном учёте.

Для нематериального наследия законодатель пошёл дальше. Закон о нематериальном этнокультурном достоянии различает носителей и хранителей и наделяет носителей правом подать заявку о включении объекта в реестр и правом на государственную поддержку [8, ст. 4 и 10]. Однако носителями закон признаёт

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

этнические общности и их представителей, поэтому предания, обычаи или ремесленные навыки, бытующие в пределах одного рода, под его действие не подпадают.

Государственные информационные системы воспроизводят ту же логику. Ни Государственный каталог Музейного фонда, ни Национальная электронная библиотека, ни реестры памятников и достояния не содержат в описании объекта признака уровня памяти и не предусматривают семью в качестве стороны, вносящей сведения о собственных объектах. Стратегическое направление цифровой трансформации отрасли культуры на период до 2030 года констатирует разрозненность ведомственных и региональных систем и низкую скорость оцифровки, но его проекты по-прежнему обращены к учреждениям и объектам, а не к семьям [11]. Основы государственной политики в области исторического просвещения называют коллективную историческую память одной из основ общероссийской гражданской идентичности и относят организации культуры к субъектам этой политики [10]; инструмента, который связывал бы историческое просвещение с хранением памяти в семьях, в них нет.

Таким образом, семейный уровень выпадает из учёта не вследствие недооценки, а вследствие самого устройства системы: она организована по держателям, а семья держателем в правовом и организационном смысле не признана.

Спрос на семейную память по данным опросов и общественных проектов.

Интерес семей к собственной истории почти всеобщий. По данным ВЦИОМ 2023 года, история своей семьи интересовала 92% россиян, целенаправленно изучали её 48%, родословное древо имели 35%, семейные реликвии хранили 48%; среди молодёжи 18–24 лет 60% ограничивались интересом, не предпринимая поиска [13]. Активный поиск ведёт около половины взрослых, а в младших возрастах он откладывается.

Одновременно опросы фиксируют ослабление передачи памяти между поколениями. Об участии родных в Великой Отечественной войне из рассказов близких, семейных архивов, писем и фотографий в 2024 году знали 45% опрошенных, причём среди родившихся в 1947 году и ранее эта доля составила 56%,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

а среди родившихся в 2001 году и позднее 27%; ещё 12% сообщили, что родные погибли или пропали без вести и сведений о них в семье нет [1]. Различие получено в одном обследовании и не измеряет скорость утраты, однако показывает её направление: от поколения к поколению доля тех, для кого семейное свидетельство существует, сокращается примерно вдвое.

Данные третьего рода относятся к готовности семей делиться материалами, когда для этого предложена форма. Сервис «Поиск по архивам», открывший архивные дела для поиска по фамилиям, за первый год работы собрал более 20 млн просмотров документов [5]. В музейный комплекс «Дорога памяти» загружено 36 млн карточек участников войны и 3,6 млн фотографий [4], в летопись движения «Бессмертный полк» к осени 2026 года внесено более миллиона историй [3]. Эти проекты предложили семьям простую форму передачи и получили массовый отклик, но ни один из них не ведёт учёта объектов, не проверяет сведения по единым правилам и не связан с государственными реестрами: копия остаётся в проекте, подлинник и сведения о нём остаются в семье.

Сопоставление этих данных показывает, что семьи хранят реликвии и готовы передавать их копии, половина взрослых ищет свою историю, а отсутствует лишь организационная форма, которая соединяла бы предложение и спрос на приемлемых для семьи условиях и оставляла бы след в учёте. Разрыв между сохраняемым и востребованным на семейном уровне имеет организационную, а не культурную природу.

Условия возвращения семейного уровня в систему сохранения.

Включение семейного уровня в систему сохранения не предполагает обязательной передачи документов в архив: порядок, рассчитанный на передачу, и служит причиной выпадения. Требуется порядок, при котором подлинник остаётся в семье, а сведения об объекте входят в общий учёт. Из проведённого анализа вытекают три условия такого порядка.

Первое условие касается описания объекта. Запись об объекте в любой системе должна содержать уровень памяти, определяемый по происхождению. Без этого признака семейные объекты, даже попав в музей или архив, растворяются

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

в фонде учреждения; с ним становится возможно установить, сколько объектов каждого уровня учтено и где образуется разрыв. Введение признака не требует ни новой системы, ни новых полномочий, только дополнения состава описания.

Второе условие определяет положение семьи. Семья должна быть признана держателем, то есть стороной, которая принимает решения о своих объектах и участвует в учёте на собственных условиях. К таким условиям относятся указание семьи как источника, определение круга лиц, которым открыт доступ, и право отозвать материалы. Подлинник остаётся в семье, в институциональное хранение передаётся цифровая копия, пригодная для долговременного хранения, вместе с описанием. Такой порядок не затрагивает права собственности и потому не противоречит ни закону об архивном деле, ни закону о Музейном фонде, а музею, архиву или университету позволяет стать для семей точкой входа в систему сохранения.

Третье условие меняет меру результата. Пока результат сохранения измеряется числом оцифрованных единиц и обращений к ресурсам, семейный уровень будет уступать остальным: его объекты единичны, а оцифровка каждого из них затратна относительно отчётного эффекта. Если же результатом считать исход запроса, удалось ли потомку найти сведения о родственнике, получила ли школа фотографию земляка, то семейный уровень оказывается там, где неудовлетворённый спрос наибольший, и очерёдность работ меняется.

Названные условия положены в основу исследования, которое ведётся в Российском государственном гуманитарном университете. Оно включает реестр объектов держателей университета с признаком уровня памяти, опрос потребителей наследия и прототип цифровой платформы с кабинетом семьи для сотрудников, выпускников и студентов; результат предполагается оценивать по доле запросов, удовлетворённых в требуемой форме, до и после введения нового порядка.

Заключение.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Семейный уровень исторической памяти относится к коммуникативной памяти и потому утрачивается быстрее остальных уровней, тогда как система сохранения наследия, построенная по фондам и держателям, замечает семейные объекты лишь в момент их передачи учреждению. Широкий интерес к семейной истории и ослабление передачи памяти между поколениями, зафиксированные опросами, свидетельствуют, что разрыв между сохраняемым и востребованным на этом уровне носит организационный характер и может быть устранён организационными средствами: указанием уровня памяти в описании объекта, признанием семьи держателем при сохранении подлинника и оценкой результата по удовлетворению запросов. Для музеев, архивов и университетов это означает новую функцию: наряду с хранением собственных фондов принимать на учёт память семей, которая иначе исчезнет вместе с её носителями.

Список литературы

1. 9 мая и память о великой войне: аналитический обзор // ВЦИОМ. – 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

2. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Бессмертный полк: сайт / РИПОД «Бессмертный полк». – URL: https://www.moypolk.ru/ (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

4. Дорога памяти: музейный комплекс: сайт. – URL: https://1418museum.ru/ (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

5. Нейросеть Яндекса за год расшифровала более 10 миллионов страниц исторических документов в Поиске по архивам // Яндекс. – 2024. – URL: https://yandex.ru/company/news/02–25–01–2024 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

6. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

7. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федеральный закон : от 26 мая 1996 г. №54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 22. – Ст. 2591.

8. О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации : Федеральный закон : от 20 октября 2022 г. №402-ФЗ // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

9. Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон : от 22 октября 2004 г. №125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 43. – Ст. 4169.

10. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента Российской Федерации : от 8 мая 2024 г. №314 // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

11. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли культуры Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации : от 23 июня 2026 г. №1586-р // Правительство России. – URL: http://government.ru/docs/all/165174/ (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

12. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 33–45.

13. Тени (не)забытых предков: аналитический обзор // ВЦИОМ. – 2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teni-nezabytykh-predkov (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

14. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)